

Взгляд Вэй Синцы на мгновение затуманился. Размытые фрагменты воспоминаний прежней владелицы тела — о том, как её притесняла компания и как вонзали нож в спину так называемые друзья, — наложились на её собственные переживания из прошлой жизни, когда ей тоже доводилось терпеть подобную несправедливость. Всё это словно задело какую-то чувствительную струну.

Голос её стал тише, в нём проступила неподдельная горечь:

— Наверное... да.

Чи Си точно уловила эту перемену и заговорила ещё тише, но гораздо увереннее:

— Кто это был? Что именно произошло? Не называй мне имён, расскажи о своих чувствах. Было ли это похоже на то, как будто... пол под ногами внезапно провалился?

Вэй Синцы закусила губу, опустила глаза и уставилась в щель между досками пола. Её пальцы непроизвольно сжались в кулаки, а голос почти застрял в горле:

— Я чувствовала себя душой. Всё, во что я верила всей душой, оказалось... фальшивкой.

Знакомое чувство самобичевания и удушливой обиды медленно поднималось из глубины души.

— Да, именно это чувство — будто ты полная дура, — подхватила Чи Си, её тон был полон сопереживания, словно она вела её за собой. — Ты злишься не на других, а прежде всего на себя. Как я могла быть такой наивной? Как я могла этого не заметить?

Её голос звучал почти гипнотически:

— Удержи это чувство, не дай ему ускользнуть. А теперь посмотри мне в глаза.

Взгляд Чи Си мгновенно изменился. Из холодно-отстранённого он стал лицемерным, в нём промелькнула снисходительная жалость, словно она смотрела на безнадёжного глупца:

— Я и есть тот человек, который так долго водил тебя за нос, считая душой.

Вэй Синцы инстинктивно вскинула голову и наткнулась на взгляд Чи Си — невероятно ранящий, в котором ясно читалось: Как же легко тебя обмануть.

Затем Чи Си нарочито мягким, вызывающим крайний дискомфорт тоном произнесла:

— Синцы, ну не надо так, я же хочу как лучше...

Эта фраза, словно игла, закалённая в ледяной воде и опалённая огнём, с хирургической точностью вонзилась в самое болезненное место.

— Хочешь как лучше?!

Вэй Синцы вздрогнула, будто её ударило током. Вся сдерживаемая обида, сомнения в себе и унижение нашли выход. Раздался взрыв, превративший всё внутри в бушующее пламя гнева.

Её глаза мгновенно покраснели — не от актёрской игры, а от прилива крови. Голос дрожал и срывался от неистового волнения, каждое слово вырывалось из горла с трудом, пропитанное искренней болью и яростью:

— Ты водила меня за нос, как дуру, и смеешь говорить, что это ради моего блага?! Он украл мои стихи! Мою музыку! Мой тяжкий труд! Ты видела всё и молчала, а потом ещё и подтвердила его ложь! И ты называешь это заботой? Я так тебе доверяла! Я отдала тебе всё, что у меня было, на хранение! А ты взяла мои вещи и раздала этим шакалам! Ты прикрывалась благими намерениями, чтобы сговориться с волками! Ты стояла и смотрела, как они по кусочкам пожирают мою плоть! Это ты называешь ради моего блага?!

Она тяжело дышала, грудь её вздымалась, глаза горели пугающим красным блеском, в них дрожали слёзы, но она не дала им пролиться. Она была полностью поглощена этим чувством гнева, которое, казалось, могло сжечь всё вокруг, и не могла мгновенно прийти в себя.

Шэнь Лэй, который всё это время молча наблюдал, одобрительно кивнул:

— Да. Именно так. — Его слова были кратки, но весили немало.

Взгляд Чи Си вновь стал мягким, в нём промелькнуло облегчение и едва заметная жалость. Она легонько похлопала Вэй Синцы по напряжённой руке и протянула салфетку:

— Хорошо. Очень хорошо. Запомни это чувство, запомни, как именно я заставила тебя его проявить. В следующий раз ты сможешь вызвать его сама.

Однако Вэй Синцы отшатнулась, словно от ожога. Она не взяла салфетку, поспешно опустила голову, прячась от чужих глаз, и пробормотала подавленным, срывающимся голосом:

— Простите, я потеряла контроль. Я не голодна, пойду в комнату.

Бросив это, она почти побежала в свою комнату и с грохотом захлопнула дверь.

[Офигеть! Способности Чи Си к наставничеству просто божественны!]

[Эта взрывная мощь... у меня мурашки по коже...]

[Погодите, это ведь была просто игра? Почему мне показалось, что Вэй Синцы задели за живое?]

[Вэй Синцы умеет писать песни? Когда она успела?]

[Кажется, были такие слухи? Покопалась в прошлом, в её чёрных списках упоминалось, что раньше она называла себя автором-исполнителем, но потом её обвинили в плагиате?]

[Плагиатчица ещё смеет говорить о тяжком труде? Смешно, как ни играй, а репутацию не отмоешь!]

[Стоп! Я предсказатель! Ставлю на то, что Тяньму Интертейнмент — это сплошной обман! Профессионально разводят новичков на кабальные контракты, выжимают соки из безызвестных артистов, а их творчество отдают своим любимчикам, чтобы создать им образ талантливых звёзд! Вэй Синцы, похоже, тоже попала в эту ловушку?]

[?? Слишком много информации!]

[Заскринила предсказание! Посмотрим, пришлёт ли Тяньму адвокатов после рассвета!]

[+1, тоже заскринил! Если это правда, то шоу из романтического превращается в историю мести!]

[Месть королевы абстракции? Такого даже в сценариях не пишут!]

[Пока просто наблюдаю, но от того, как дрожал голос Вэй Синцы... чёрт, моё мнение как хейтера пошатнулось на нанометр...]

В гостиной воцарилась странная тишина, в воздухе словно висели осколки эмоций, оставшиеся после вспышки Вэй Синцы.

Чи Си, держа в руках невостребованную салфетку, невозмутимо вернулась на диван, взяла низкокалорийное пирожное и принялась есть его маленькими кусочками, словно не она только что «вонзила нож» словами и взглядом, спровоцировав эмоциональное цунами.

Но под её спокойной маской мысли работали быстро.

В том, как Вэй Синцы выкрикивала слова про стихи, музыку и тяжкий труд, было нечто большее, чем просто актёрское мастерство — это выглядело как настоящая, острая боль от вскрытой старой раны.

Сыграть чувство, когда человек, которому ты доверял больше всего, вонзает нож в спину, а ты не можешь дать отпор, очень сложно.

Она слышала слухи о том, что Тяньму обожает оптимизировать ресурсы, перекладывая заслуги безызвестных артистов в карманы своих любимчиков. Для такой артистки без связей, как Вэй

Синцы, чья игра поначалу не блистала, они были идеальными «донорами крови».

И, если отбросить все скандалы, способности Вэй Синцы к обучению и пониманию материала превзошли все ожидания. Она схватывала на лету, и если дать ей нужный эмоциональный толчок, она выдавала невероятную энергию. Это был необработанный алмаз.

Что касается написания песен... Чи Си отпила чаю и решила: нужно попросить агента внимательно изучить биографию Вэй Синцы и разобраться, сколько мутных историй скрывается за теми обвинениями в плагиате. Если в ней действительно есть талант, а её просто подставила компания, то протянуть ей руку помощи — не такая уж плохая идея.

Тем временем милая Гань Сьюнь с тревогой посмотрела на закрытую дверь комнаты Вэй Синцы, а затем на оставшийся на столе кусок клубничного пирожного.

— Кажется, у госпожи Вэй пропал аппетит... Может, мне убрать пирожное в холодильник? Вдруг она проголодается позже, съест что-нибудь сладкое, и настроение улучшится? — С этими словами она осторожно взяла тарелку, словно несла хрупкий предмет, и поставила пирожное в холодильник, стараясь разместить его так, чтобы оно было на самом видном месте.

[Чи Си... такая хладнокровная женщина, только что устроила драму, а теперь спокойно ест пирожное?]

[Это называется профессионализм! Полный контроль над эмоциями!]

[Гань Сьюнь — настоящий ангел, так заботится о Вэй Синцы.]

[Только мне интересно, что Вэй Синцы делает в комнате? Плачет в подушку?]

[Та сцена была... очень сильной.]

[У Вэй Синцы столько скандалов, кто знает, может, она просто играет на публику?]

[Точно, поплакала, пожаловалась, и теперь хочет обелиться? Думает, мы такие глупые?]

[Жду либо письмо от адвокатов Тяньму, либо новый финт от Вэй Синцы.]

<http://bllate.org/book/20868/2106848>